

ственникам: так, в практике (Георгия Фарясея) от 1321 г. идет речь о землях архонтов — царских родичей и других архонтов — церковных, монастырских, стратиотских, наделенных хрисовулами и прочих (№ 15.2—4. Ср. 16.2—3). Термин *ἀνθρώπος* употребляется для обозначения зависимых людей (№ 27.4), подчас прямо идет речь о «людях» — присельниках (№ 27.22); «человек» Алексея Амнона Димитрий Аитани (Гаитани) стоит в одном ряду с париками Амнона (№ 10.2—3).

Если упоминание эксуссии (№ 22.36—37, 46) и различных налоговых изъятий не вносит, как будто, ничего нового в наши представления о поздневизантийском иммунитете, то сведения о пронии заслуживают специального внимания. Они могут быть разделены на две группы. Во-первых, несколько раз упоминается «экономиа такого-то количества» (в перперах), принадлежащая монастырю (№ 8.2—4; 14.3—5). В 1321 г. экономия приравнивается к *οἰκείον πόνον* (16.3—4); в хрисовуле Стефана Душана 1346 г., напротив, идет речь об экономии, измеряемой не перперами, а землей: 300 модиев земли было отнято из экономии покойного Кунала и передано монастырю (№ 22.15—16). Лефор переводит *οἰκονομία* как «фискальная рента» (стр. 66, 90), не вдаваясь в спорный вопрос о природе экономии и ее тождестве пронии. Во-вторых, неизданное судебное решение 1393 г. свидетельствует, что Димитрий Ласкарь имел половину деревни Ахиан *λόγῳ προνοίας ἀδθεντῆ κῆς* (№ 30.9—10); покупка им земли в обход права близости явилась незаконной, ибо он владел не по праву гоникона (*κατὰ γονικότητος λόγον*) и не на каком-либо ином законном основании (*κατὰ νομικὴν ἄλλην ἀδθεντίαν*), но как прониар (*κατὰ προνοιαστικὴν ἀξίαν*) (№ 30.18—19). Значит, еще в конце XIV в. прония противопоставлялась земельной собственности, в частности не давала владельцу права близости на соседние участки.

Эсфигменские акты интересны и для изучения этнической истории Византии. Они дают прежде всего огромное количество славянских топонимов и личных имен. Приведу несколько образцов славянской ономастики: *Δοβρωνῶς*, *Δραγάννα*, *Δραγάνος*, *Δραγότης*, *Μπαλωτῶς Μποζάννα* (Божана), *Μποσάκος* (Босьяк), *Σουρουβίζας*, *Στρούμερος*, *Τζερνοτά*, *Χλάπετζις* (см. индекс). Сохранились и следы кавказской ономастики, например, *Μουχωνῶς ὁ Καρβέας*, турмарх в 1095 г., (5.8) и *Πακουριάνος* в XIV в. (№ 14.96). Грамота 1037 г. (№ 2) позволяет ставить вопрос о роли армянского элемента в братии Эсфигмена в XI в. и об участии эсфигменских армян-халкидонитов в религиозной пропаганде на востоке империи после присоединения Византией владений Давида Куропалата в 1001 г.⁸

А. К.

Corpus des actes grecs d'Italie du Sud et de Sicile. Recherches d'histoire et de géographie: 2. A. Guillou. Saint-Nicodème de Kellarana (1023/1024—1232). Città del Vaticano, 1968, XII+71 p., ill., cartes; 3. A. Guillou. La Théotokos de Hagia-Agathé (Oppido) (1050—1064/1065). Città del Vaticano, 1972, XIII+239 p., ill., cartes.

Две образцовые публикации греческих актов из Южной Италии, выпущенные А. Гийу¹, далеко не равнозначимы. Архив монастыря св. Никодима в Келларане состоит всего из трех актов, относящихся к тому же к разным периодам; дарение 1023/4 г., купчая 1181 г. (оба документа издаются по оригиналу, причем первый из них был уже опубликован², и договор об эмфитевсе 1232 г., оригинал которого потерял (был опубликован Ф. Тринкерой в 1865 г.); к этому в приложении Гийу добавляет две грамоты: пожалование чинша нотарию монастыря св. Никодима Льву (1139 г.) и договор об использовании земли монастыря св. Фантина (1189/90 г.), изданные тем же Тринкерой. Второй архив, напротив, представляет собой комплекс из 47 документов, относящихся не только к одному району (греческая епископия св. Агафы в калабрийском городе Опидо), но и к узкому хронологическому отрезку — в основном к 1050—1057 гг. (кроме того, одно дарение 1064/5 г. и несколько недатированных актов). Все грамоты публикуются впервые — по копии XII в., сделанной на обороте пергаменного свитка, содержащего не изданный еще инвентарный список греческой митрополии в Реджо XI в. Таким образом, перед нами уникальный источник: впервые исследователь получает массовый актовый материал для изучения византийской провинции середины XI столетия.

Область, освещенная грамотами архива, — «епархия» Салины (№ 2.6; 24.6 и др.). Термин «епархия» в византийских источниках, обычно соответствующий «феме», в Южной Италии, по предположению Гийу, был тождествен «гурме»³. Епархия Са-

⁸ См. об этом: А. П. Каждан. Эсфигменская грамота 1037 г. и деятельность Феоктиста. — *Вестник Ереванского гос. университета*, 1974, № 3, стр. 236—238.

¹ О первом томе этой серии см. ВВ, 32, 1971, стр. 237.

² L. R. Ménager. L'abbaye bénédictine de la Trinité de Mileto, en Calabre, a l'époque normande. — *Bullettino del'Archivio paleografico Italiano*, 4—5, 1958—1959, p. 12—14.

³ A. Guillou. *Studies on Byzantine Italy*. London, 1970, X, p. 137.

лины распадалась на несколько административных единиц: Вуцано, Лакуцана, Оппидо (№ 2.7). Лакуцана именуется деревней (χωρίον) (№ 36.5), Вуцано — другом (№ 8.5, 15.8; 24.7) или другом деревни (№ 36.5—6), Оппидо — кастровом (№ 22.11—12; 27.5, 47.3) или *ἄστυ* (№ 2.4—5; 6.4 и др.). Эта терминология весьма интересна: во-первых, здесь засвидетельствован термин «друнг», вызывавший столь острую дискуссию⁴; во-вторых, термины «кастрон» и *ἄστυ* прилагаются к одному и тому же поселению, что ставит под сомнение тезис В. фон Фалькенхаузен о терминологической четкости южноитальянских документов в обозначении города⁵.

Этнический состав населения в освещенном документами районе весьма сложен. Согласно подсчетам Гию, он может быть представлен следующей таблицей (стр. 31):

	Личные имена	Топонимы
Греческие	70%	71%
Латинские	17%	25%
Арабские	13%	4%

Большое место греческого элемента (как в личных именах, так в топонимике) может быть объяснено, по мысли Гию (стр. 32) только массовой византийской иммиграцией конца IX — начала X в. Среди византийцев — не одни греки: сапожник Георгий Ἀρμένι (№ 14.3) — видимо, армянин (топонимом армянского происхождения Гию считает Врасатум — Παυκράτιος); хартуларий Окан (№ 27.18) или Охан мог быть тюрком. Более сложен вопрос о патрониме Κατζάρι (№ 32.1; ср. № 29.14); Гию (стр. 29) понимает его как «хазарин», хотя такое написание этникона не засвидетельствовано греческими источниками. Корень Κατζ входит, однако, в состав византийской фамилии Κατζαμόυντης, известной как раз в середине XI в. (Skyl., р. 495.56; ср. Вуген., р. 112.1—7). Латинские имена переданы обычно в эллинизированной форме; некоторые из них, возможно, византийские по происхождению: так, фамилия Μακελλάρης (№ 3.8—9 и др.) вполне могла быть образована от греческого слова μακелάρης, «мясник» (см. Книгу эпарха, XV, 1—3); имя Льва Масарита (№ 28.6) напоминает известный византийский патроним — Месариты. Наконец, новое явление отмечено Гию (стр. 32): наличие заметного арабского элемента, оставившего следы даже в топонимике.

Экономика района — чисто сельскохозяйственная: постоянно упоминаются харафии и виноградники, плодовые деревья, изредка тутовые деревья (стр. 23). Показательно отсутствие оливковых деревьев, которые встречаются в других местах, и в частности упомянуты в актах из архива Келлараны. Кроме того, жители занимались добычей соли. Упоминания ремесленников крайне редки.

Наиболее существенный вопрос, освещаемый актами, — социальная структура византийской Италии. Отмечая, что грамоты знают лишь владение (νομή) водами и лесами (№ 24.8. Чаще, впрочем, владение одними водами: № 2.8; 15.7; 47.4 и др.), Гию (стр. 23 и сл.) допускает здесь существование сельской общины. Основная масса земель находилась в наследственной собственности землевладельцев и могла быть продана и подарена. В актах встречается такой известный (и спорный) термин, как «проасти» (№ 22.9), который в данном контексте вряд ли может означать пригородное поместье: речь идет о проастиях и плодовых деревьях в Вуцано, т. е. проастии понимаются как земельные участки.

Каков социальный статус дарителей епископии и свидетелей? Вопрос этот непрост, так как грамоты, как правило, не дают прямых данных для его решения. Гию предполагает, что разбросанность владений в разных местах служит показателем крупной собственности (стр. 26), но для византийских условий это довольно спорно: дробность *крестьянских* угодий не раз отмечалась в литературе⁶. Мне непонятно также, почему Гию заносит в состав господствующего класса сапожника Георгия Армянина (стр. 33 и сл.). Таким образом, при некоторых коррективах картина роста крупной собственности в районе Оппидо окажется не столь импозантной, как представленная Гию (стр. 27 и сл.). Но вот что важно (и что не подчеркнуто издателем): среди местной знати и византийских чиновников, упомянутых в актах, почти нет фамилий, известных по другим источникам, — кроме протоспафария Эллидия Варипода (№ 34.5) и триаконтарха Константина, сына Никифора Спана (№ 27.17). Все эти Сергоны, Гемеларии, Вервикарии и другие роды, местные земельные собственники, иногда носившие высокие титулы (спафарокандидат) и занимавшие должности турмархов или комитов, принадлежали к тому слою, который обычно ускользает из нашего поля зрения, — это не мегистаны, не столичная аристократия, а местная знать. К сожалению, грамоты не дают материала для изучения форм эксплуатации в их владениях.

⁴ См. обзор литературы: Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 59—61.

⁵ V. von Falkenhausen. Untersuchungen über die byzantinische Herrschaft in Süditalien vom 9. bis ins 11. Jh. Wiesbaden, 1967, S. 132. См. мои возражения: ВВ, 33, 1972, стр. 236. Гию, отсылая по этому вопросу к своей статье (A. Guillou. Studies. . . , VIII, р. 10—12), не учитывает работы Фалькенхаузен.

⁶ См.; например: А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 57 и сл.

Новый источник важен также и для изучения византийской дипломатики. В составе архива четыре асфалии — документы, которые подписывало должностное лицо епископии при вступлении на пост. Следует заметить, что термин «асфалия» встречается также в документах эсфигменского (см. выше, стр. 270) и лаврского (*Actes de Lavra*, I, № 25) архивов XI в., но, видимо, в ином значении. 42 грамоты — дарственные. До сих пор дипломатика византийских частнопровых актов изучена очень плохо, новый архив может служить важным подспорьем в этом деле. Гийу (стр. 14) справедливо подчеркивает, что акты архива Опшидо составлялись по общевизантийским руководствам; наряду с этим, думается, было бы важно проследить локальные особенности южноитальянских дарственных⁷.

А. К.

J e a n C h r y s o s t o m e. Sur la vaine gloire et l'éducation des enfants. Introduction, texte critique, traduction et notes par A. M. Malingrey. — «Sources chrétiennes», № 188. Paris, 1972, 302 p.

Основная часть наследия Иоанна Златоуста, одного из крупнейших писателей конца IV—начала V в., была опубликована уже в XVII в., но до сих пор еще нет критического издания его корпуса. В значительной мере причина этого — в плодovitости Златоуста: его сочинения занимают 18 томов «Патрологии» Миня, и соответственно их списки рассеяны по многим сотням рукописей (около 2 тысяч). Лишь в самое последнее время предприняты попытки систематизировать рукописное наследие знаменитого оратора¹. Другая трудность порождена популярностью Златоуста: под его именем манускрипты сохраняют немало ложно приписанных ему сочинений (в их числе и так называемая литургия Иоанна Златоуста), и одной из серьезных задач является расчленение подлинного, сомнительного и бесспорно поддельного Златоуста².

В последнее время ряд произведений Златоуста появился в новых критических изданиях, в том числе «Увещения Феодору»³, «О девственности»⁴, «О единственном браке»⁵, послания к Олимпии⁶. Та же А. М. Малэнгрей, которая подготовила письма к Олимпии, выпустила теперь трактат (?) Златоуста «О ложной славе и о воспитании юношества»⁷.

Сочинение это представляет двойной интерес для исследователя поздней Римской империи. Во-первых, оно богато бытовыми подробностями и, более того, касается некоторых черт социальной структуры общества конца IV в. Прежде всего бросаются в глаза постоянные упоминания рабов: благодаря удобному индексу, составленному Ж. Л. Рюлем, легко установить, что термин *οἰκέτης* встречается 16 раз, *δοῦλος* — 14, *παῖς* в значении «невольник» — 7 (к сожалению, в индексе не отделено это значение термина от другого — «ребенок»), *κατὰ σκῆν* — 1, *ἀγγελόθερος* — 1 и специальный термин *ἀκόλουθος* (раб, сопровождавший ребенка в школу) — 5. Следовательно, термины, обозначающие раба, встречаются у Златоуста не менее 44 раз, тогда как наиболее употребительные существительные: *παῖς* в значении «ребенок», *θεός* — бог и *πατήρ* — отец — упоминаются соответственно 43, 37 и 31 раз. Конечно, большинство этих упоминаний относится к домашним рабам, с которыми постоянно сталкивается подрастающий мальчик, — но Златоуст знает не одну челядь: так, на строительстве дома для архонта заняты и рабы (стр. 130.483—485). Рабы — основной элемент богатства наряду с драгоценными металлами, одеждой и конями (стр. 78.93), обилие рабов — первейший показатель «ложной славы» (стр. 96.231); раба покупает даже бедняк, который еще вчера обходился без него — и не из необходимости, но чтобы придать себе значительность (стр. 90.175—179).

⁷ О локальных особенностях византийских частнопровых документов см. А. П. Каждан. Аграрные отношения. . . , стр. 28—36.

¹ М. Aubineau, R. E. Carter. *Codices chrysostomici graeci*, I—III. Paris, 1968—1970. См. P. Canart. *Les inventaires spécialisés de manuscrits grecs*. — «Scriptorium», 24, 1970.

² См. *Repertorium Pseudochrysostomicum*, coll. J. A. de Aldama. Paris, 1965; Ср. еще: J. P. Bouhot. *La collection homilétique pseudo-chrysostomienne découverte par Dom Morin*. — «Revue des études augustinienes», 16, 1970.

³ Jean Chrysostome. *A Théodore*, éd. par J. Dumortier. Paris, 1966.

⁴ Jean Chrysostome. *La Virginité*, éd. par H. Musurillo. Paris, 1966.

⁵ Jean Chrysostome. *A une veuve sur le mariage unique*, éd. par G. H. Ettlenger et B. Grillet. Paris, 1968.

⁶ Jean Chrysostome. *Lettres à Olympias*, éd. par A. M. Malingrey. Paris, 1968, 2nde éd. 1970.

⁷ См. еще: L. L. Gallinari. *Cristianesimo primitivo ed educazione. Il περί κενδοξίας καὶ ὅπως δεῖ τοὺς γονεῖς ἀνατρέφειν τὰ τέκνα* di S. Giovanni Crisostomo. Cassino, 1970 (мне недоступно). О педагогических воззрениях Златоуста см. теперь: A. Dannassis. *Johannes Chrysostomos. Pädagogisch-psychologische Ideen in seinem Werk*. Bonn, 1971.